

МИСТИФИКАЦИЯ И МИФОТВОРЧЕСТВО В ЭСТЕТИКЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Акрамханова М.А.

Узбекистан, г. Ташкент, УзГУМЯ
<https://doi.org/10.5281/zenodo.19020195>

Ключевые слова: мистификация, мифотворчество, символизм, миметика, текст личности.

Аннотация. В статье рассматривается феномен мистификации в культуре и литературе русского Серебряного века как ответ на кризис традиционной миметической концепции искусства начала XX века. Миф и игра выступают ключевыми средствами создания нового культурного пространства, в котором художник становится «теургом» — творцом, соединяющим божественное и человеческое начала. Статья раскрывает особенности языка мистификации и её роль в формировании художественной и личностной идентичности символистов, подчеркивая её элитарный характер.

К началу XX века традиционная концепция культуры и искусства, основанная на миметическом принципе воспроизведения реальности, столкнулась с глубоким кризисом, который проявился в переосмыслении роли художника и сущности творческого процесса. Так, центральный постулат, согласно которому художник выполняет в творчестве описательную функцию, подвергся серьёзной критике, что отразилось на изменениях эстетических парадигм и художественных практик.

Возникшее в начале двадцатого столетия символистское течение, предложило радикальную переоценку творчества, провозгласив равенство жизни и искусства, а художнику предоставив роль теурга, способного стирать границу между творчеством и реальностью. Создавая эстетически завершённый мир, символисты опирались на миф и игру в миф, что порой трансформировалось в мистификацию, понимаемую как сложный художественный и культурный феномен.

Мистификации серебряного века реализовывались на нескольких взаимосвязанных уровнях: общекультурном, бытовом или социальном, поведенческом и текстуальном, каждый из которых имел свои ключевые понятия и функции. На общекультурном уровне ведущей была идея мифотворчества, термин, который отражал теургическую эстетику, характерную для эпохи рубежа XIX–XX веков.

Теургическая эстетика исходила из понимания высочайшей роли эстетического опыта и искусства в жизни и культуре, где категория прекрасного, заимствованная из философии религиозных мыслителей, воспринималась как проявление божественного начала. В этом контексте задача художника состояла в обогащении культурной реальности концептом божественного через мифотворчество, которое представлялось как имманентная функция человеческого сознания, способ воспроизводства культуры и социального конструирования реальности.

Миф включался в творческий процесс на различных стадиях и уровнях создания произведений, позволяя художнику воплощать себя в области божественного и переживать акт творения, соотносимый с божественным творением мира, и служил творческим ориентиром, обеспечивая объективную интерпретацию реальности и движению «от реального к реальному», акцентируя стремление к более глубокой, внутренней реальности вещей.

В основе мифотворчества лежало религиозное отношение к миру, стремление установить всепроникающие связи и смысл, сохранившиеся и в современной культуре как сущность человеческого бытия. Согласно взглядам Н.А. Бердяева, идея Бога была высшим и истинным мифом, связывающим человека с бытием, и мистификация, исходя из этого, представлялась как моделирование мифа о Боге. А.Ф. Лосев подчёркивал, что миф есть чудо, причём чудо — атрибут божественного, и соответственно художник в эпоху кризисного

мышления начала XX века приобретал статус творца, сопоставимого с божественным. А.Ф. Лосев далее определял миф как «чудесную личностную историю» [4, с. 169], выраженную в словах, что подчеркивает индивидуальный и сверхличностный характер мифотворчества. Этот феномен был важен для культуры XX века, поскольку мифологическое мышление позволяло нейтрализовать фундаментальные культурные бинарные оппозиции, такие как жизнь и смерть, правда и ложь, иллюзия и реальность.

Мистификация выступала как создание квазиреальности, а идея мира как творимой легенды, предложенная Ф. Сологубом, глубоко укоренилась в сознании художников начала XX века. Концепция «творчества жизни» [7, с. 59], сформулированная А. Белым, стала эстетическим ответом русского символизма, где жизнетворчество выражалось через мифотворчество, воспринимающее мир как искусствоподобный феномен и «текст жизни», обладающий свойствами «текста искусства». Заимствуя романтическую традицию, модернисты сохранили цель создания нового человека, но определили искусство не просто как средство, а как главный путь преобразования мира, используя мифологические модели и принципы теургической эстетики.

Для воплощения мифологического мышления требовался особый язык, способный отразить мифологическую природу художественного текста, что выдвинуло на первый план поиски новой языковой парадигмы среди литераторов начала XX века. Параллельно происходило формирование биографической судьбы писателей и поэтов, отражающей их мифотворческую функцию. А. Белый, например, синтезировал мифотворчество, словотворчество и жизнетворчество, утверждая, что художественный символ оживает и действует самостоятельно. В. Иванов видел художника как исполнителя Божественного замысла, для которого душевный подвиг заключается в соединении с божественным всеединством, делая миф событием внутреннего и сверхличного опыта. В. Иванов ввёл понятие «теурга» — художника, являющегося носителем божественного откровения и истинным мифотворцем, исходя из идей В. Соловьева, который провозгласил необходимость возвращения художников к жреческой роли, с осознанным управлением религиозными идеями в земных воплощениях. Мистификация в этом контексте реализовала концепцию жизнетворчества, снимая противопоставления между реальностью и вымыслом, человеческим и божественным началом, что отразилось и в самом терминологическом значении мистификации, производного от греческого и латинского слов, связанных с посвящением в тайну и совершением священнодействия.

Мифотворчество для интеллигенции серебряного века являлось и художественным приёмом, и мировоззрением, позволяющим посредством синтеза искусств формировать новое культурное пространство, где отражались творческие и эстетические установки художника. Теоретизация «реальнейшего» и внедрение мифа в культурную среду свидетельствовали о реализации мистификации на социальном и поведенческом уровнях, где миф становился осязаемым и воплощался в образе жизни.

На бытовом и поведенческом уровнях мистификация превращалась в коллективную игру, проявлявшуюся не только в литературе, но и в жизни, где художник становился персонажем собственного произведения, оставаясь его создателем. Г.Ю. Стернин подчёркивал исключительный артистизм писателей серебряного века, способных на сложные перевоплощения, а театрализация и эстетизация повседневности способствовали формированию нового культурного феномена — восприятия творческой личности в неразрывном единстве судьбы и творчества, обросших легендами и мистификациями, псевдонимами и масками [2, с. 85].

Театрализация позволяла расщеплять личность на множество «Я», как иллюстрирует случай с мистификацией Черубины де Габриак и Волошиным, чьи роли пересекались и переплетались, создавая сложную многослойную идентичность. С. Маковский, комментируя мистификацию Черубины де Габриак, отмечал, что Волошин не осознал катастрофических последствий мистификации для психики Елизаветы Дмитриевой, поскольку был слишком

увлечен своими четырьмя ролями. Он был самой Черубиной, другом Е. Дмитриевой, другом Маковского, а также поэтом-демиургом [6, с. 54].

Выбор роли, формирование образа, складывающегося в процессе игры, впоследствии создавали биографию художника. Игра, как дополнительная форма деятельности (основная - литературная), осуществлялась в свободных, ничем не регламентированных условиях, ее качество зависело только от способности автора к искусству перевоплощения. Мистификация, таким образом, может рассматриваться как определенная игровая стратегия, предполагающая введение нового автора с созданием его семиотической биографии, стилизацию его поведения и/или облика и бытовых условий

Выбор и конструирование роли в игровом процессе формировали биографию художника, где игра, действующая в нерегламентированных условиях, становилась дополнительной творческой деятельностью, требующей высокого мастерства перевоплощения. Мистификация, в этом ракурсе, предстает как игровая стратегия, включающая создание нового автора с его семиотической биографией, стилизацию поведения и быта.

Принципы семиотической биографии, сформулированные Ю. Лотманом, предполагают подражание жизни другого человека или воображаемого персонажа, что лежит в основе мистификаций, например, Черубины де Габриак. Маска, служащая одновременно и покровом истинного «Я», и обозначением вымышленного образа, выступает в роли репрезентации автора в художественной системе, обеспечивая дистанцирование и идентификацию.

В серебряном веке маска стала продолжением триады «лик», «лицо» и «личина», выступая внешним средством визуализации внутреннего замысла. При этом личные установки автора находили отражение в выбранной роли, что проявлялось в многочисленных литературных вечерах, кружках и художественных кабаре, где жизнь превращалась в эстетический материал, следуя концепции Н. Евреинова о взаимном заимствовании жизни и театра. Подобные игровые аспекты повседневности и роль «ребячливости» в творчестве, как у Л. Андреева, демонстрируют стремление прожить текст, что подчёркивает намеренное конструирование роли как знака выбора жизненной стратегии и защиты от реального быта. Этот монтажно-игровой подход, выделенный исследователем Е.А. Худенко, рассматривал игру как акт совершенствования бытия и неотъемлемый элемент мистификации [6].

Текстовый уровень мистификации воплощает игровые стратегии, становясь частью творческого наследия автора, насыщенного рефлексией повседневности и экспериментами личности. Символисты понимали текст как универсальный способ моделирования жизни, «текст жизни» становился знаковым выражением реальности, а «текст личности», введённый Т. Ерохиной, определялся как парадигма формирования контекста личности символиста, моделирующая элитарную культуру конца XIX — начала XX веков.

Функция текста мистификации включала отражение эстетических тенденций эпохи: мифологизации, житнетворчества, театрализации и самоидентификации автора или его масок. Мифологизация породила игровой авторский миф, реализуемый через мистификацию, выступающую как «текст личности», что предполагало акт вживания в роль и приобретение нового авторского опыта. Количество авторских масок могло быть неограниченным, что иллюстрируют псевдонимы В. Брюсова и концепция «мифопоэта».

Текст мистификации представлял собой знаковую рефлексивную «другого я» автора, реализуемую через коммуникационный канал «я – другой» («адресат - адресант»), и «я – я», описанную Ю. Лотманом как автокоммуникация [5]. Автокоммуникация начинается осуществляться уже в процессе трансформации авторского сознания мистификатора, который намеренно моделирует свой новый лик.

Текст мистификации - обязательно игра с читателем, адресатом сообщения. Она предполагает процесс включения и скрытого диалога конгениальных читателей. Стоит отметить, что мистификации в контексте серебряного века создавались для узкого круга окружающих автора лиц. Рядовой, неподготовленный читатель не смог бы раскодировать

данный текст, и мистификация не состоялась бы, поскольку была бы лишена возможности разоблачения. Таким образом, текст мистификации является итогом вербализации игрового контекста и ментальных стратегий отдельного автора серебряного века.

References:

1. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1 / А. Белый - М., 1994.
2. Воскресенская, М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: Социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX - XX вв. / М.А. Воскресенская. - Томск, 2003.
3. Евреинов, Н.Н. Театр как таковой / Н.Н. Евреинов. - Берлин, 1923.
4. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура /А.Ф. Лосев. - М., 1991.
5. Лотман, Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Семиосфера. - СПб., 2000.
6. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. - Таллинн, 1992.
7. Худенко, Е.А. Проблема житнетворчества в русской литературе (романтизм, символизм) Е.А. Худенко // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. - 2011. - № 1. -С. 58 - 63.